

А. К. Столярова, Консонантизм нганасанского языка (по экспериментальным данным). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Новосибирск 1977.

23 мая 1980 г. на заседании Специализированного совета Д 002.17.04 по присуждению ученой степени доктора наук при Ленинградском отделении Института языкознания АН СССР ассистент Томского государственного педагогического института А. К. Столярова успешно защитила кандидатскую диссертацию на вышеуказанную тему. Работа выполнена в Лаборатории экспериментально-фонетических исследований Института истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР (далее: ЛЭФИ) под руководством доктора филологических наук профессора К. А. Тимофеева при консультировании заведующим лабораторией В. М. Наделяевым. Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук А. Н. Жукова и кандидат филологических наук доцент Е. П. Больдт.

Самодийские языки, вплоть до последнего времени остававшиеся одними из наименее изученных в стране, теперь все более активно вовлекаются в сферу научного исследования. Особенно примечательно, что в наши дни в познании звукового строя самодийских языков применяются объективные экспериментально-фонетические методы. Примером в этом отношении служат недавно защищенные кандидатские диссертации по консонантизму и вокализму энецкого языка (Я. А. Глухий, В. А. Сусеков — см. нашу рецензию в СФУ XVI 1980, с. 73—78). Исследование А. К. Столяровой выполнялось параллельно с вышеупомянутыми и тоже является частью коллективной темы «Фронтальное экспериментально-фонетическое исследование звуковых систем языков и диалектов Сибири и сопредельных регионов», которая разрабатывается преимущественно в ЛЭФИ Института истории, филологии и философии СО АН СССР.

Работа А. К. Столяровой выполнена как синхроническое описание подсистемы консонантизма в языке авамских нганасан. Цель ее — возможно более полное и объективное описание согласных нганасанского языка — ориентирована на решение следующих относительно частных задач: 1) выявить согласные фонемы нганасанского языка на основе морфологического и дистрибутивного анализа, 2) по экспериментальным данным охарактеризовать согласные с артикуляционной и акустической стороны, 3) последовательно выявить оттенковые и фонематические признаки согласных, 4) дать исчерпывающую характеристику каждой согласной фонемы по фонетическим признакам и, в итоге, 5) представить инвентарь консонантных фонем в виде определенной структуры.

Языковой материал, на котором строится работа, собран начиная с 1968 г., причем его основная часть — при личном участии автора. Общий объем полевых записей составляет 11 рукописных томов по 500—600 с. Они собраны более чем от 25 информантов по программам, составленным в свое время профессором Томского педагогического института А. П. Дульзоном (А. К. Столярова приступила к сбору материала по нганасанскому языку под его руководством). Эти записи послужили затем основой для специализированных экспериментально-фонетических программ, осуществлявшихся в ЛЭФИ в стационарных лабораторных условиях с помощью 5 дикторов (программа пневмоосциллографирования, т. е. трехканальной осциллографической записи экспериментального материала от датчиков носа, рта, горла на киноплёнке — свыше 700 слов в записи 4 дикторов на 6000 м пленки; программа дентопалатографирования — 60 словоформ в произношении 3 дикторов, всего получено 600 отпечатков; программа рентгенографирования — 25 словоформ, получено 25 снимков от 3 дикторов; программа кинорентгенографирования, состоящая из 36 слов, записи от 3 дикторов на 150 м пленки — данные этой программы в работу не включены, они будут обрабатываться в дальнейшем). Проанализированный языковой материал и экспериментальные данные в количественном и качественном отношении пред-

ставляются достаточными и надежными.

Исследование велось традиционным аудитивно-визуальным методом с применением ряда экспериментально-фонетических приемов (см. выше). К сожалению, А. К. Столярова никак не расшифровывает особенности методики экспериментально-фонетического исследования, и неподготовленному читателю трудно разобраться в них самостоятельно, тем более что в опубликованных работах представителей новосибирской фонетической школы, на которые дана ссылка (с. 16), эти особенности тоже описаны фрагментарно. Очевидно, имело смысл показать хотя бы в концентрированном виде методику экспериментального исследования, применяемую в ЛЭФИ, а заодно пояснить и систему цифровой индексации в точной транскрипции оттенковых проявлений консонантных фонем. Следует сказать, однако, что эта методика зарекомендовала себя в целом достаточно плодотворной при исследовании различных языков, хотя с некоторыми частностями ее трудно согласиться (например, с тем, что при дентопалатографировании с искусственного нёба делается не фотоснимок, а рисунок — это явно противоречит исходному требованию предельной точности эксперимента). Далее, в строгом смысле едва ли можно считать эту методику полностью «объективной», как полагает автор; она скорее должна квалифицироваться, по нашему мнению, как «объективизированная», т. е. субъективно-объективная или объективно-субъективная, поскольку объективно полученные инструментальные данные в конечном счете анализируются и интерпретируются лингвистически не машиной, а исследователем, т. е. субъективно, что в определенной мере несомненно снижает их объективность — примером тому служит хотя бы полярно противоположное осмысление А. К. Столяровой одних и тех же данных по длительности согласных (см. ниже).

Работа состоит из введения, четырех основных глав и приложения.

Во введении А. К. Столярова дает характеристику степени изученности нганасанского языка, в частности, его звукового строя. Проводится краткий критический разбор трудов М. А. Кастрена, Г. Н. Прокофьева, Н. М. Терещенко, в которых затрагивались вопросы нганасанской фонетики. Перечислены методы ис-

следования, языковой материал и программы для экспериментальной обработки. А. К. Столярова совершенно справедливо подчеркивает вслед за Г. Фантом важность слухового метода, который вовсе не противопоставляется экспериментальному, а по-своему дополняет его. Безусловный интерес представляют краткие данные о дикторах, из которых следует, что все они владеют, кроме родного, также русским языком, а основные дикторы знают еще и долганский. У читателя возникает вопрос о степени их владения этими языками и о наличии или отсутствии фонетической интерференции, на что, к сожалению, прямого ответа в работе нет. Не совсем понятны и мотивы выбора А. К. Столяровой именно авамского диалекта в качестве основы описания консонантизма всего нганасанского языка (см. заглавие работы), хотя известно, что между двумя диалектными подразделениями нганасанского языка — авамским и вадеевским — имеются определенные различия, которые признаются и автором.

В первой главе «Состав согласных фонем» приводятся результаты дистрибутивного анализа 38 согласных звуков нганасанского языка, выделенных «на основе слухового восприятия через призму русского и украинского языков, которыми владеет исследователь» (с. 21). Эти согласные звуки классифицируются по активному артикулирующему органу и описываются далее в следующем порядке («перевод» в ФУТ — Ю. М.): 1) губные *b, ɓ, β, β', w, ʷ, p, φ, m, m̃*; 2) переднеязычные *t, d, ɖ, ɖ', ʈ, s, š, n, l, r, ɾ*; 3) среднеязычные *ʎ, ʎ', d', ɳ, l', j*; 4) заднеязычные *k, k̃, g, ɡ, ŋ, ŋ'*; 5) глоточные *h, h̃, ʕ, ʕ'*; 6) гортанный ?.

Особенности дистрибуции перечисленных согласных звуков позволили А. К. Столяровой соотнести их с 17 фонемами: */b/, /m/, /t/, /n/, /ɖ/, /s/, /r/, /l/, /ʎ/, /d', /ɳ/, /l', /k/, /g/, /ŋ/, /h/, /ʔ/*.

Дистрибутивный анализ проведен в целом корректно, но все же возникают некоторые сомнения относительно тотальной интерпретации *j* в качестве варианта фонемы *d'* — вероятно, для ряда случаев правомерно рассмотрение этого звука как сегмента сложного гласного, т. е. нисходящего дифтонга. Очевидна необходи-

мость более полного и специального исследования звука *j* на фоне всей фонетической системы нганасанского языка, включая вокализм. Следует учитывать и то, что предшественники А. К. Столяровой на достаточных основаниях выделяли *j* в качестве отдельной фонемы нганасанского языка (Г. Н. Прокофьев, Н. М. Терещенко).

Выявленное в первой главе позиционно-комбинаторное использование фонем отражает, на наш взгляд, общесамодийские тенденции: нет стечения согласных в анлауте и ауслaute; инлаутные консонантные сочетания ограничены двухэлементными типами $S + C$, $S + S$, $C + C$; в инлауте встречаются оттенки всех 17 фонем, тогда как в анлауте — 13, а ауслaute — только 5, причем четыре из них сонорные (малозвумные).

Вторая глава «Квантитативность реализаций согласных фонем» посвящена количественным характеристикам согласных. А. К. Столярова показывает, что количественные характеристики согласных в нганасанском языке в значительной степени определяются квантитативной характеристикой вокального окружения: в соседстве с долгими гласными длительность согласных сокращается, а в соседстве с краткими гласными, наоборот, возрастает. Особенно ярко эта зависимость, имеющая характер контрастной корреляции в духе известного закона Э. Лагеркранца, проявляется в оттенках гоморганных пар фонем. Но, с другой стороны, экспериментальные данные свидетельствуют и о том, что зависимая корреляция по длительности между гласными и согласными не всегда соблюдается.

В целом материал главы подается как бы через презумпцию длительности в качестве релевантной фонематической характеристики нганасанских согласных. Однако в итоге рассмотрения экспериментальных данных А. К. Столярова пришла к верному выводу о том, что в нганасанском языке отсутствует системное противопоставление по длительности как в шумных, так и в малозвумных. Этот вывод иллюстрирует таблица 5, показывая разброс относительных длительностей оттенков фонем в различных позиционно-комбинаторных условиях.

В третьей главе «Квалитативность

реализаций согласных фонем» детально описываются качественные характеристики нганасанских согласных по двум подразделениям — группам шумных и малозвумных. Качественные характеристики согласных — основные и дополнительные артикулирующие органы, локализация и характер их работы — установлены в результате тщательного анализа экспериментального материала. Автор приходит к выводу, что сильных настроек в нганасанском языке нет. Компоненты конкретных реализаций фонем в разных позиционно-комбинаторных условиях являются преимущественно щелевыми и узкощелевыми, или смычными со щелевыми инициалами и финалями — это косвенно свидетельствует о слабой напряженности артикулирующих органов. Степень напряженности активного органа косвенно фиксируется по дентопалатограммам и дополняется субъективным восприятием степени шумности.

Анализ компонентов фонем, традиционно квалифицировавшихся как глухие и звонкие, вскрыл их зависимый от фонетических условий характер — те и другие почти в равной мере могут реализоваться как в преимущественно глухих, так и в преимущественно звонких оттенках. Равным образом согласные фонемы, по традиции называемые сонантами, могут реализоваться в различных оттенках по глухости-звонкости в зависимости от позиционно-комбинаторных условий, причем глухие компоненты могут достигать даже 100% общей длительности оттенков.

Слабость напряженности активных органов артикуляции проявляется и в том, что потенциально ртвые малозвумные фонемы *r*, *l*, *l* могут реализоваться в частично назализованных оттенках.

Выводы по этой главе в целом обоснованны, хотя отдельные моменты вызывают возражение. Так, совершенно непонятно полное игнорирование фотографий и рентгенограмм при анализе настроек губных согласных: их описание базируется исключительно на пневмоосциллограммах и визуальном наблюдении — но ведь оно никак не документировано. Далее, нарушен принцип единообразия экспериментального материала: дентопалатографирование и пневмоосциллографирование проведено по одним дикторам (1, 2,

3), а рентгенографирование — по другим (4, 5); кроме того, в большинстве этих случаев иллюстрируемый звук берется не в одной и той же словоформе. Хотелось бы найти в описании и некий объективный критерий, по которому можно бы судить о конкретной специфике компонентного состава именно нганасанских согласных в сравнении с аналогичными согласными других языков, родственных и неродственных (материал для подобного сравнения уже накоплен в ЛЭФИ) — ведь из общей фонетики известно, что, например, в интервокальном положении глухой согласный всегда частично звонкий (т. е. квазиглухой), что смычный — вместе с тем всегда частично щелевой (т. е. квазисмычный), и т. п.

Четвертая глава «Консонантная системность нганасанского» не содержит принципиально нового — в сравнении с предыдущими главами — материала, она является по существу развернутым заключением. Здесь обобщаются данные, полученные в ходе анализа количественных и качественных характеристик согласных фонем. На этой основе выявляется следующая сетка фонематических противопоставлений: 1) шумность : мал шумность, 2) слабость : сверхслабость, 3) потенциальная назальность : потенциальная ротовость, 4) фокусность по активному артикулирующему органу, 5) потенциальная смычность : потенциальная щелинность, 6) медиальность : латеральность. Как видим, выявленные А. К. Столяровой фонематические оппозиции в подсистеме согласных нганасанского языка значительно отличаются от данных Н. М. Терещенко — вместо оппозиции «сонанты : шумные» установлена оппозиция по «шумности : мал шумности», вместо «глухости : звонкости» обоснована оппозиция «слабость : сверхслабость», оппозиции «назальность : ротовость» и «смычность : щелинность» уточнены как соответствующие потенциальные. Видимо, следовало бы определенно высказаться по сути этих расхождений (равно как и расхождений с данными М. А. Кастрена и Г. Н. Прокофьева). В заключение все согласные

фонемы языка авамских нганасан снабжены определениями в терминах выявленных дистинктивных признаков и представлены в виде схемы-дерева.

Принципиальным упущением автора представляется опора только на изолированные словоформы, а не на соответствующие отрезки звучащей речи — из-за этого языковая действительность отражается не совсем адекватно, а в довольно идеализированном виде. Отсюда в работе очень детально обоснована фонемная система нганасанских согласных, но почти ничего не сказано о действии этой системы (чередования, ассимиляция, фонотактика, фоностатистика и т. д.). Впрочем, для первого этапа фонетического исследования нганасанского языка опора на изолированные словоформы может быть по своему оправдана, однако дальнейшее изучение нганасанской фонетики неизбежно связано с необходимостью анализа отрезков речи. Примененная А. К. Столяровой транскрипция почти не известна в уралистике, поэтому в приложении следовало бы дать таблицу ее соответствий знакам традиционной ФУТ.

Сущность обсуждаемой работы определяется все-таки не отдельными недочетами и дискуссионными положениями, а ее безусловными общими достоинствами. Работа впервые дает детальное описание инвентаря нганасанских согласных на основе надежных материалов и экспериментальных данных. В общелингвистическом плане важен вывод об относительно слабой двухступенчатой напряженности в артикуляции согласных нганасанского языка, что согласуется с имеющимися данными по ненецкому (Я. Н. Попова), энецкому (Я. А. Глухий), селькупскому (А. И. Кузьмина, Ю. А. Морев, Н. В. Деннинг) языкам. Научная и практическая ценность работы А. К. Столяровой несомненна: она послужит делу сравнительно-исторического и типологического изучения самодийских языков, внесет свой вклад в типологию артикуляционных баз разносистемных языков.

Ю. А. МОРЕВ (Томск)